Антропологический кризис современной экономической модели и необходимость нового системного парадигмального подхода, ориентированного на человека

Клаудио Балозетти
независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

электронный адрес: claudio@claudiobalosetti.com

Аннотация

Настоящая работа анализирует структурные противоречия современной экономической и правовой модели, показывая, каким образом постепенное разъединение человека, ценности и ответственности привело к системной нестабильности, нарастающему социальному неравенству и широко распространённой утрате общественной связности. В частности, утверждается, что повторяющиеся кризисы не являются случайными отклонениями или временными сбоями системы, но представляют собой последовательные и закономерные проявления парадигмы, в рамках которой человек был редуцирован до фрагментированной экономической и юридической функции. Параллельно вводится альтернативная теоретическая рамка антропологического и системного характера, основанная на центральности индивида как единого, ответственного и реляционного субъекта. Данная рамка не позиционируется ни как политическая идеология, ни как немедленно применимая экономическая программа, а рассматривается как концептуальное основание для возможной эволюции социальных моделей в условиях многополярного мира, характеризующегося высоким уровнем технологического развития и культурной взаимозависимости.

Ключевые слова: антропологический кризис; социальная парадигма; человеческая ответственность; ценность человеческого действия; системная организация общества; постэкономическая модель; междисциплинарный подход; Elisapiens

Введение

Кризис как выражение антропологического разлома

В современном публичном дискурсе экономический кризис, как правило, описывается как циклическое явление, обусловленное ошибками регулирования, финансовыми дисбалансами или структурной неэффективностью рынков. Подобная интерпретация, несмотря на то что она затрагивает реальные элементы экономической динамики, склонна ограничивать анализ сугубо техническим горизонтом, в рамках которого кризис предстает скорее как аномалия системы, нежели как последовательное выражение её внутренней логики.
Такой подход, в свою очередь, рискует скрыть более глубокую проблему, касающуюся не столько функционирования экономических инструментов, сколько самого представления о человеке, лежащего в их основе.

В ходе поздней модерности социальная организация постепенно отделила индивида от ценности его собственных действий, редуцировав человеческое действие до измеримой функции, подчинённой количественным и абстрактным параметрам. В этом процессе человек всё в большей степени определялся через производительность, потребительскую способность и экономическую роль, тогда как реляционное, этическое и ответственное

измерение человеческого существования было вытеснено на периферию социальной значимости, утратив системное влияние.
Следствием этого стала конфигурация общества, в которой человеческий субъект перестал быть упорядочивающим центром системы и превратился в функциональный, взаимозаменяемый и фрагментированный элемент.

Данная фрагментация затрагивает не только экономическую сферу, но распространяется также на правовой и символический уровни. Идентичность индивида, вместо того чтобы признаваться единой и непрерывной, оказывается разделённой на множество ролей, представлений и формальных устройств, которые размывают ответственность и ослабляют связь между решением и его последствиями. В результате человеческое действие постепенно утрачивает своё этическое укоренение, превращаясь в последовательность формально легитимных операций, фактически оторванных от их совокупного социального воздействия.

В рамках данной конфигурации деньги приобретают роль, выходящую далеко за пределы их первоначальной инструментальной функции. Из средства обмена и координации они превращаются в нормативный критерий оценки, утверждаясь в качестве универсальной меры не только товаров, но и времени, компетенций и, в конечном счёте, ценности самой личности. Это смещение не является простым избыточным проявлением системы, но представляет собой логическое следствие парадигмы, которая постепенно заменила центральность человека центральностью самореферентных операционных абстракций.

Повторяющиеся кризисы, переживаемые современными обществами, могут, таким образом, быть интерпретированы не как случайные сбои или отклонения от нормального хода развития, а как структурные сигналы более глубокого разлома, затрагивающего соотношение между индивидом, ответственностью и ценностью. Вмешательство, ограниченное исключительно экономическими механизмами, без обращения к данной антропологической фрактуре, равнозначно лечению симптомов без анализа причин.
Отсюда следует, что любая подлинная попытка реформирования должна неизбежно начинаться с пересмотра антропологического основания господствующей модели, признавая, что устойчивость социальной системы в конечном счёте зависит от согласованности между её институциональной архитектурой и тем образом человека, который она предполагает.

Именно из этого осознания становится возможным развернуть размышление об альтернативных парадигмах — не в смысле немедленных решений или идеологических программ, а как о теоретических горизонтах, способных вернуть человеку центральное положение в качестве единого, ответственного и внутренне реляционного субъекта в структуре социальной организации.

Раздел I

Юридическая фрагментация индивида и растворение ответственности

Одним из наименее исследованных, но при этом наиболее воздействующих аспектов современного экономико-правового парадигмального устройства является постепенное расхождение между конкретным человеческим индивидом и ответственностью за действия, совершаемые в рамках системы. Данное расхождение не проявляется в явной или декларируемой форме, но реализуется посредством сложной юридической архитектуры, позволяющей человеческому действию быть опосредованным, многократно

воспроизведённым и в значительной степени экранированным через промежуточные формальные образования. В результате ответственность, оставаясь теоретически приписываемой, на практике склонна растворяться, утрачивая непрерывность и распознаваемость.

В современном правовом контексте индивид более не функционирует как единый субъект, но выступает узлом сети правовых репрезентаций, фрагментирующих его операционную идентичность. Посредством компаний, организаций, делегирований и автономных юридических структур действие постепенно отрывается от личности, которая его инициирует, превращаясь в акт, формально вменяемый, но по существу лишённый прямого человеческого референта. Механизм, первоначально задуманный для облегчения экономической организации и кооперации в крупном масштабе, в итоге породил системный эффект повсеместной дереспонсибилизации.

Проблема заключается не столько в формальной легитимности подобных инструментов, сколько в их неконтролируемом разрастании и в их имплицитной антропологической функции. Когда юридическая идентичность индивида дробится на множество операционных сущностей, связь между решением и его последствиями постепенно ослабевает, вплоть до утраты прозрачности. Тем самым система допускает осуществление власти без соответствующего принятия персональной ответственности, порождая структурный разрыв между способностью воздействовать на реальность и обязанностью отвечать за последствия этого воздействия.

Данная динамика производит эффекты, значительно выходящие за пределы экономической сферы. На социальном уровне она способствует постепенной эрозии коллективного доверия, поскольку негативные последствия системных решений оказываются лишёнными чётко идентифицируемого субъекта. На этическом уровне она нормализует безответственность, при которой действие оправдывается процедурным соответствием, а не оценивается с точки зрения его человеческого и социального воздействия. На политическом уровне, наконец, такая фрагментация подпитывает концентрацию власти, ускользающую от традиционных механизмов демократического или институционального контроля.

Важно подчеркнуть, что данная конфигурация не является патологическим отклонением системы, но представляет собой её логическое следствие. Парадигма, которая отделяет ценность от действия и действие от ответственности, неизбежно производит правовые структуры, в рамках которых реальный индивид исчезает за серией формальных экранов. В этом смысле юридическая фрагментация выступает не случайным злоупотреблением, а конститутивным элементом модели, отдающей приоритет операционной эффективности и масштабируемости в ущерб антропологической целостности.

Проистекающая из этого утрата ответственности не обязательно проявляется в отсутствии норм или санкций, но выражается в их прогрессирующей символической неэффективности. Когда ответственность распределяется между абстрактными сущностями, она перестаёт интериоризироваться индивидом и превращается в формальное исполнение требований. Это, в свою очередь, усиливает растущую диссоциацию между законностью и справедливостью, между дозволенным и тем, что действительно устойчиво на человеческом и социальном уровне.

В свете этих соображений становится очевидно, что любые реформаторские попытки, ограниченные вмешательством на поверхностных уровнях правового регулирования,

рискуют оказаться недостаточными. Без пересмотра соотношения между индивидом и юридической идентичностью, между человеческим субъектом и операционной способностью система будет воспроизводить те же самые динамики концентрации власти и растворения ответственности, независимо от вводимых нормативных изменений.

Следовательно, проблема юридической фрагментации не может рассматриваться как изолированный технический вопрос, но должна быть признана одним из центральных узлов современного кризиса, поскольку она выражает парадигму, постепенно утратившую принцип единства человеческого существа как основания социальной организации.

Раздел II

Структурный предел денег как меры человеческой ценности и его образовательная интериоризация

В современной парадигме деньги функционируют не только как средство обмена или единица счёта, но и как имплицитный нормативный критерий, посредством которого оценивается значимость действий, компетенций и, постепенно, самих людей. Эта нормативная функция, редко артикулируемая явно, наделяет деньги ролью, выходящей за рамки экономической сферы, превращая их в обобщённую меру человеческой ценности. В этом смещении и заключается один из наиболее глубоких структурных пределов действующей модели, поскольку то, что возникло как средство, начинает навязываться в качестве цели.

Проблема состоит не в существовании денег как таковых и не в их исторической полезности как инструмента социального координирования, а в их внутренней неспособности измерять сущностные измерения человеческого действия. Отношения, ответственность, забота, передача знания, социальная связность и этический вклад не сводимы к денежным величинам без существенного искажения. Тем не менее, в тот момент, когда деньги становятся главным индикатором успеха, эффективности и социального признания, эти измерения постепенно обесцениваются или становятся невидимыми.

Данный процесс не носит внезапного или принудительного характера, но осуществляется посредством медленной культурной интериоризации, одним из основных векторов которой выступает образовательная система. Современное образование, формально позиционируемое как нейтральное и ориентированное на развитие компетенций, всё в большей степени структурируется в зависимости от экономической применимости знания. Тем самым формирование индивида неявно направляется на то, что поддаётся измерению, сертификации и монетизации, тогда как измерения, не подлежащие немедленному преобразованию в экономическую ценность, оказываются маргинализированными.

Школа и университет, встроенные в данную логику, в конечном итоге воспроизводят представление о человеке как о человеческом капитале, то есть как о совокупности компетенций, предназначенных для конкурентного включения в рынок. Знание постепенно утрачивает свою внутреннюю формирующую ценность, трансформируясь в инвестицию, тогда как обучение оценивается преимущественно через призму ожидаемой экономической отдачи. Подобная установка, оставаясь функционально эффективной, одновременно укрепляет редукционистское видение человека, в рамках которого личная идентичность смешивается с экономической результативностью.

В этом смысле образование не выступает корректирующим элементом доминирующей парадигмы, но действует как её тихий мультипликатор. Оно не навязывает явно примат денег, но делает его естественным, интериоризованным и редко подвергаемым сомнению. Индивиды формируются внутри горизонта, в котором ценность принимается как самоочевидное денежное соответствие, тогда как любые иные формы признания воспринимаются как второстепенные или остаточные.

Последствия подобной интериоризации с особой наглядностью проявляются в том, как люди оценивают самих себя и других. Успех связывается со способностью к накоплению, достоинство — с продуктивностью, неудача — с отсутствием дохода. В этом контексте даже этически ответственное действие рискует восприниматься как неэффективное или иррациональное, поскольку оно не приносит немедленного вознаграждения. Таким образом, предел денег как меры человеческой ценности проявляется не только в экономической сфере, но и как образовательная деформация, воздействующая на формирование индивидуальной и коллективной идентичности.

Исходя из этого, становится очевидным, что критическое осмысление роли денег не может быть отделено от анализа образовательных процессов, посредством которых эта роль передаётся и нормализуется. Без трансформации способов, которыми ценность преподаётся, усваивается и интериоризируется, любые попытки экономической реформы остаются поверхностными, поскольку продолжают опираться на неизменную антропологическую предпосылку.

Следовательно, преодоление структурных пределов денег как меры человеческой ценности требует не только новых экономических инструментов, но и глубокой ревизии образования как пространства формирования человека в его целостности, а не исключительно в его экономической функции.

Раздел III

За пределами экономических идеологий: к парадигме, основанной на центральности человека

Проведённые ранее анализы показывают, что современные кризисы не могут быть ни поняты, ни разрешены посредством простого корректирования существующих экономических моделей. Капитализм, социализм и многочисленные гибридные формы, характеризовавшие XX век, при всех своих исторических и политических различиях, разделяют общий исходный постулат: редукцию социальной организации к преимущественно экономической проблематике, в рамках которой человек мыслится как функция системы, а не как её основание. В этом смысле преодоление текущих кризисов требует не выработки новой идеологии, но смены концептуального уровня анализа.

Традиционные экономические идеологии формировались в исторических условиях, отмеченных материальным дефицитом, центральностью ручного труда и ограниченными технологическими возможностями социального координирования. В таких обстоятельствах приоритет, придаваемый производству, распределению и количественному росту, был в значительной степени оправдан. Однако в современном контексте, характеризующемся высокой степенью автоматизации, возрастающей глобальной взаимосвязанностью и беспрецедентной способностью к генерации потенциального изобилия, данные категории оказываются всё менее адекватными для описания и управления социальной сложностью.

Основное ограничение этих моделей заключается не в их технической неэффективности, а в неспособности согласованно интегрировать антропологические, реляционные и образовательные измерения человеческого существования. Когда экономика становится доминирующим языком интерпретации социальной реальности, все прочие измерения подчиняются ей либо инструментализируются, что приводит к формированию систем, формально функционирующих, но по существу нестабильных. Циклическое повторение кризисов в этом смысле выступает симптомом парадигмы, пытающейся решать проблемы человеческого порядка средствами, предназначенными для управления ресурсами, а не отношениями.

С этой точки зрения становится очевидной необходимость парадигмы, которая не определяет себя в оппозиции к существующим идеологиям, но превосходит их, располагаясь на ином уровне концептуализации. Постидеологическая и постэкономическая парадигма не отрицает роли экономики, технологий или институтов, но переопределяет их функцию, признавая их инструментами, служащими более широкому человеческому проекту. В подобной конфигурации ценность выводится не преимущественно из способности к накоплению или обмену, но из качества действий и отношений, способствующих связности и устойчивости социальной системы.

Такое смещение перспективы предполагает глубокое переосмысление роли индивида в рамках коллективной организации. Человек более не может рассматриваться ни как производственная единица, ни как пассивный получатель перераспределения, но должен быть признан активным субъектом, носителем ответственности и участником сети отношений, составляющей подлинную ткань общества. Это, в свою очередь, требует моделей, способных распознавать и ценить человеческий вклад в формах, выходящих за пределы традиционного экономического измерения, не скатываясь при этом ни к этической расплывчатости, ни к идеологическим абстракциям.

В данном контексте образование, технологии и право приобретают решающее значение не как изолированные сферы, но как взаимосвязанные измерения единой социальной архитектуры. Образование формирует сознание ценности, право закрепляет ответственность, технологии делают возможным признание и прослеживаемость вклада, тогда как экономика представляет собой лишь один из способов координации. Когда эти измерения функционируют разрозненно, система склонна к фрагментации; когда же они соотносятся с единым человеческим принципом, они способны порождать устойчивость и смысл.

Следовательно, необходимость постидеологической и постэкономической парадигмы вытекает не из абстрактного теоретического запроса, а из эмпирической очевидности мира, в котором традиционные категории более не способны обеспечивать связность, ответственность и коллективную ориентацию. Вопрос состоит не в том, является ли подобная парадигма желательной, а в том, способны ли современные общества продолжать функционировать, не приступив к её концептуальному конструированию.

Раздел IV

Введение системной парадигмы, основанной на единстве человеческого существа

Анализы, проведённые в предыдущих разделах, приводят к выводу, который невозможно обойти без противоречия выявленной концептуальной очевидности: современные кризисы

проистекают прежде всего не из недостатка экономических инструментов и не из дефицита правового регулирования, но из структурной несогласованности между действующей социальной организацией и тем образом человека, который она предполагает. При отсутствии единого антропологического принципа любая система, сколь бы сложной она ни была, неизбежно тяготеет к фрагментации, утрате ответственности и редукции человеческой ценности до абстрактной величины.

В этих условиях становится необходимым введение теоретической парадигмы, способной органично соединить измерения, которые современная модель последовательно разделила: индивида и ответственность, ценность и действие, образование и социальную организацию, технологии и человеческие отношения. Данная парадигма не позиционируется как идеологическая альтернатива существующим системам и не предлагается в качестве немедленно применимого политического или экономического проекта, но мыслится как долговременная концептуальная архитектура, ориентированная на восстановление центральности человека как единого субъекта внутри общества.

Вводимая здесь парадигма, обозначаемая как **Elisapiens**, представляет собой системную синтезу, в рамках которой человек рассматривается не как ресурс, подлежащий оптимизации, но как основание самого социального порядка. Она исходит из предпосылки, что каждый индивид должен быть признан единым, непрерывным и ответственным юридическим субъектом, а любая форма социальной ценности должна быть сведена, прямо или опосредованно, к действиям и отношениям, способствующим устойчивости и связности сообщества. В этом смысле Elisapiens не предполагает упразднения существующих структур, но их реорганизацию вокруг объединяющего человеческого принципа.

В рамках данной конфигурации экономика, право, образование и технологии перестают функционировать как автономные и зачастую конфликтующие сферы, превращаясь в взаимозависимые компоненты единой системы, ориентированной на социальное равновесие. Экономика возвращается к своей инструментальной функции координации ресурсов, право восстанавливает роль гарантии личной и коллективной ответственности, образование вновь становится пространством формирования человека в его целостности, тогда как технологии принимают вспомогательную и прослеживающую функцию, а не функцию замещения человеческой связи.

Отличительной чертой парадигмы Elisapiens является её неантагонистическая природа. Она не возникает с целью отрицания предшествующих моделей, но стремится интегрировать и превзойти их там, где проявляются их структурные ограничения. В этом смысле парадигма располагается за пределами дихотомий рынка и государства, индивида и коллектива, свободы и ответственности, предлагая видение, в рамках которого данные полярности согласуются посредством единого антропологического принципа.

Важно подчеркнуть, что Elisapiens не претендует на предоставление окончательных решений и не стремится заранее фиксировать жёсткие институциональные формы. Напротив, она предлагается как открытая рамка, предназначенная для междисциплинарных исследований и критического обсуждения. Её первичная функция носит не предписывающий, а ориентирующий характер: предоставить теоретическое основание, на котором возможно неидеологическое переосмысление способов организации социальной жизни в глобальном контексте, отмеченном глубокими технологическими, культурными и экономическими трансформациями.

Таким образом, введение парадигмы Elisapiens представляет собой не точку завершения, но открытие пространства размышления, в котором центральность человека утверждается не как риторическая ценность, а как структурный принцип социального порядка. Лишь исходя из такого основания становится возможным вообразить системы, способные сочетать устойчивость, ответственность и смысл, не воспроизводя противоречий, характерных для моделей прошлого.

Академическое заключение

От антропологических принципов к прикладной архитектуре нового социального порядка

Проведённый в настоящей работе анализ приводит к выводу, который не может быть смягчён без подрыва логической целостности всего построения: современный кризис требует не только концептуального пересмотра, но и выработки структурных принципов, способных трансформироваться в реально применимую социальную архитектуру. В этом смысле парадигма **Elisapiens** не представляет собой ни описательную теорию, ни сугубо спекулятивную модель, но мыслится как органическая система, основанная на трёх операциональных принципах, взаимно связанных между собой и уже изначально ориентированных на внедрение в существующем технологическом и институциональном контексте.

Первый принцип, обозначаемый как **1H1LE (One Human One Legal Entity)**, утверждает юридическое единство человеческого существа в качестве основания социального порядка. Он исходит из положения, согласно которому каждый индивид должен признаваться единым, непрерывным и не подлежащим бесконечному умножению через автономные формальные образования юридическим субъектом. Данный принцип не является абстрактной этической позицией, но представляет собой структурную реорганизацию отношения между личностью, правом и ответственностью, направленную на восстановление прямой связи между действием и его последствиями. Тем самым право возвращается к своей исходной функции гарантии человеческой ответственности, снижая динамики фрагментации и опакуации власти, характерные для действующей парадигмы.

Второй принцип, **Empàxià**, относится к образовательному, реляционному и поведенческому измерению человеческого действия. Empàxià не ограничивается формулированием моральной ценности, но вводит модель признания человеческого вклада, включающую действия, отношения и формы поведения, которые являются существенными для социальной устойчивости и связности, однако традиционно исключаются из экономического измерения. В данном контексте образование приобретает центральную роль не как функциональная подготовка к рынку, а как формирование ответственности, реляционного сознания и активного участия в социальном порядке. Таким образом, Empàxià образует антропологическое и образовательное основание всей системы, без которого любой экономический механизм оказывается лишён человеческого укоренения.

Третий принцип, **UniEqu**, представляет собой элемент операционального перевода двух предыдущих принципов в сферу обмена и координации ресурсов. UniEqu не является альтернативной валютой в традиционном смысле и не представляет собой абстрактную теоретическую конструкцию, но определяется как модель обмена, основанная на кредитах, генерируемых реальным человеческим действием и поддающихся измерению и прослеживаемости посредством уже существующих технологий. Распределённые цифровые

системы, надёжные инструменты регистрации, технологии прослеживаемости и методы искусственного интеллекта уже сегодня позволяют выявлять, сертифицировать и учитывать человеческий вклад без обращения к спекулятивному финансовому посредничеству. В этой логике ценность более не определяется самореферентными рыночными динамиками, но возвращается к фактическому вкладу индивида в сообщество.

Рассматриваемые в их единстве, **1H1LE, Empàxià и UniEqu** образуют согласованную и применимую систему, в рамках которой право, образование, технологии и экономика функционируют как интегрированные компоненты единой социальной архитектуры. Технология, далёкая от доминирующей роли, принимает инструментальную функцию поддержки, делая возможным то, что ранее оставалось практически недостижимым: прямую связь между человеческой идентичностью, ответственностью, ценностью и обменом.

Парадигма Elisapiens не предполагает травматического разрыва с существующими системами и не нацелена на немедленную замену действующих институциональных структур. Напротив, она указывает направление конкретного перехода, основанного на принципах, уже технически реализуемых и концептуально согласованных, позволяя постепенно преодолеть структурные ограничения доминирующей экономико-идеологической модели. В этом смысле её значимость заключается не в обещании будущего, а в реальной возможности настоящего — переосмыслить социальную организацию на антропологически прочных, технологически устойчивых и системно стабильных основаниях.

Приложение

Примечание о генезисе, публикации и публичном статусе парадигмы Elisapiens

Теоретическая и системная парадигма, представленная в настоящей работе, является результатом исследовательского пути, развивавшегося и становившегося публичным на последовательных этапах в соответствии с критериями прозрачности, прослеживаемости и интеллектуальной ответственности. До настоящей публикации концептуальные основания парадигмы Elisapiens и её структурных принципов были размещены автором на академических и архивных open-access платформах глобального значения с целью обеспечения их достоверной датировки, публичной доступности и проверяемости во времени.

Данный выбор отражает чёткую методологическую позицию. Публикуя фундаментальные материалы в признанных открытых архивах, автор сознательно разместил парадигму в пространстве совместного научного знания, преднамеренно исключив возможность её традиционной патентной защиты. Тем самым метод был выведен за рамки логик исключительного присвоения, оставаясь согласованным со своей природой концептуальной архитектуры, ориентированной на общее благо и междисциплинарное осмысление.

Отказ от патентоспособности не обусловлен техническими ограничениями, но является осознанным выбором эпистемологического позиционирования. Парадигма Elisapiens не замышляется как собственнический инструмент и не направлена на извлечение экономических, идеологических или иных частных преимуществ. Она предлагается как открытый вклад в исследование, критическую дискуссию и возможное поэтапное применение со стороны институциональных, образовательных или научных контекстов, признающих её антропологическую и системную согласованность.

Настоящая публикация, следовательно, не представляет собой дублирование ранее обнародованных материалов, но их органичную и контекстуализированную переработку, ориентированную на академический диалог в ином языковом и культурном пространстве. Включение данного примечания преследует исключительно цели научной ясности, позволяя читателю соотнести работу с уже документированной и доступной линией развития и оценить её содержание в свете публичного, непрерывного и проверяемого исследовательского пути.

Литература

1. Arendt, H. (1958), The Human Condition, University of Chicago Press, Chicago, IL.

2. Polanyi, K. (1944), The Great Transformation, Beacon Press, Boston, MA.

3. Habermas, J. (1987), The Theory of Communicative Action, Vol. 2, Beacon Press, Boston, MA.

4. Luhmann, N. (1995), Social Systems, Stanford University Press, Stanford, CA.

5. Beck, U. (1992), Risk Society: Towards a New Modernity, Sage Publications, London.

6. Illich, I. (1971), Deschooling Society, Harper & Row, New York.

7. Jonas, H. (1984), The Imperative of Responsibility, University of Chicago Press, Chicago, IL.

8. Castells, M. (2010), The Rise of the Network Society, Wiley-Blackwell, Oxford.

9. Фуко, М. (1977), Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы, Наука, Москва.

10. Кастельс, М. (2010), Информационная эпоха: экономика, общество и культура, Издательство ГУ ВШЭ, Москва.

11. Глазьев, С. Ю. (2016), Экономика будущего. Есть ли у России шанс?, Книжный мир, Москва.

12. Асмолов, А. Г. (2014), Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека, Смысл, Москва.

13. Панарин, А. С. (2002), Глобальное политическое прогнозирование, Алгоритм, Москва.

14. Моисеев, Н. Н. (1998), Судьба цивилизации. Путь разума, Языки русской культуры, Москва.

15. Честнов, И. Л. (2012), Юридическая ответственность: философские и методологические проблемы, Норма, Москва.

Клаудио Балозетти
Санкт-Петербург, 02.02.2026